

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Мавлянова Тамилла Бахрилловна

*д.ф.ф.н. (PhD) кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института;*

Темирова Гулсанам Комиловна

*студентка 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института*

Аннотация: Настоящая статья посвящена типологическому сопоставлению категории падежа в русском и узбекском языках, представляющих флективный и агглютинативный типы морфологического строя. В работе анализируются принципиальные различия в структуре падежных систем: полифункциональность флексий в русском языке versus однозначность падежных аффиксов в узбекском. Рассматриваются инвариантные семантические функции падежей, способы выражения пространственных, объектных и посессивных отношений, а также явления межъязыковой интерференции, возникающие при овладении русской падежной системой носителями узбекского языка. Особое внимание уделяется теоретическому осмыслению категории падежа в рамках функционально-семантического подхода и контенсивной типологии. Статья предназначена для специалистов в области общего языкознания, типологии и сопоставительной грамматики.

Ключевые Слова: категория падежа, русский язык, узбекский язык, типология, флексия, агглютинация.

Обращение к типологическому анализу категории падежа в русском и узбекском языках неизбежно выводит исследователя на фундаментальную проблему соотношения формы и значения в грамматическом строе языков разного типа. Русский язык, принадлежащий к славянской группе индоевропейской семьи, демонстрирует классический образец флективного (синтетического) строя, тогда как узбекский язык, относящийся к тюркской семье, репрезентирует агглютинативный тип морфологической организации. Категория падежа, будучи одной из центральных именных категорий, наиболее рельефно высвечивает системные различия между этими языками, поскольку именно в сфере падежного маркирования с наибольшей отчетливостью проявляются такие типологически значимые признаки, как характер

грамматической семантики, принципы соединения морфем и природа синтаксических отношений.

Прежде чем перейти непосредственно к сопоставительному анализу, необходимо эксплицировать теоретические основания, на которых строится данное исследование. В современной лингвистической типологии категория падежа понимается как словоизменительная грамматическая категория именных частей речи, выражающая синтаксические и/или семантические отношения имени к другим словам в предложении или к предложению в целом. Однако такое определение, будучи операциональным для описания конкретных языков, требует существенных уточнений при переходе на типологический уровень. Как справедливо отмечал исследователь падежных систем А.М. Лаврентьев, в языках с неразвитой именной морфологией говорить о падеже можно лишь условно, оговаривая особое, расширенное понимание этого термина. Иными словами, типологическое сопоставление падежных систем предполагает различие универсального функционально-семантического инварианта (отношения зависимости между именем и его синтаксической вершиной) и конкретных морфологических средств его выражения, которые могут существенно варьироваться от языка к языку.

Принципиальное типологическое различие между флективными и агглютинативными языками заключается в способе организации грамматических морфем. Во флективных языках, к числу которых относится русский, падежные показатели (флексии или окончания) характеризуются полифункциональностью: одна морфема одновременно выражает несколько грамматических значений.²¹ Так, в словоформе «стол-ом» флексия «-ом» маркирует одновременно три категориальных признака — мужской род, единственное число и творительный падеж. Более того, одна и та же флексия может выражать различные грамматические значения в разных парадигмах: окончание «-а» в русском языке может указывать на именительный падеж единственного числа существительных женского рода (жен-а), родительный падеж единственного числа существительных мужского рода (стол-а), а также именительный падеж множественного числа существительных среднего рода (пятн-а). Это явление, известное как омонимия падежных окончаний, создает существенные трудности при усвоении русского языка носителями агглютинативных языков, поскольку для последних характерна иная логика грамматического структурирования.

²¹ Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том II. — Москва — Вена: Языки русской культуры, 1998. — С. 215–218.

В агглютинативных языках, и узбекский язык здесь представляет собой образцовый пример, действует принцип «один аффикс — одно грамматическое значение». Каждый падежный показатель имеет единую, неизменяемую форму и однозначную семантику. В узбекском языке падежные аффиксы присоединяются к неизменяемой основе слова в строго определенной последовательности, причем границы между морфемами остаются прозрачными и легко выделяемыми. Например, форма узбекского существительного «kitob-lar-im-iz-da» (книги наши в) членится следующим образом: корень kitob (книга), аффикс множественного числа -lar, притяжательный аффикс 1-го лица единственного числа -im, аффикс множественного числа для possessor -iz и падежный аффикс местного падежа -da. В русском языке аналогичное значение «в наших книгах» выражается словоформой, где падежное окончание «-ах» одновременно маркирует множественное число и предложный падеж, а притяжательное местоимение «наших» изменяется отдельно, согласуясь с существительным в роде, числе и падеже.

Количественные параметры падежных систем русского и узбекского языков различаются, хотя и не столь кардинально, как можно было бы предположить. В русском языке традиционно выделяется шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный. Однако некоторые исследователи, следуя академической традиции, восходящей еще к М.В. Ломоносову,²² рассматривают также звательную форму (вокатив) как особый, седьмой падеж, хотя в современном русском языке она сохранилась лишь в реликтовых формах типа «Боже», «Господи» и в разговорных редуцированных формах личных имен типа «Маш», «Саш». Узбекский язык насчитывает шесть падежей: основной (именительный), родительный (окончание -ning), направительный (дательный, окончание -ga), винительный (окончание -ni), местный (окончание -da) и исходный (отложительный, окончание -dan). На первый взгляд, два языка демонстрируют сопоставимое количество падежных форм. Однако за этим количественным сходством скрываются глубокие типологические различия в семантическом наполнении падежей, в их функциональном диапазоне и в синтаксических условиях употребления.

Именительный падеж в обоих языках выполняет сходную функцию маркирования грамматического субъекта — подлежащего предложения.

²² Ломоносов М.В. Российская грамматика. — Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1755. — § 183–192. (Современное переиздание: Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7. — Москва — Ленинград: Издательство АН СССР, 1952. — С. 426–429.)

Однако и здесь обнаруживаются важные различия, связанные с синтаксическим строем языков. В узбекском языке действует жесткое правило, согласно которому сказуемое всегда занимает конечную позицию в предложении, а порядок слов подчиняется схеме «подлежащее — дополнение — сказуемое» (SOV). В русском языке порядок слов значительно более свободен благодаря развитой системе падежных окончаний, которые однозначно указывают на синтаксическую роль имени независимо от его позиции в предложении. Конструкция «Мальчик читает книгу» сохраняет свое значение при любой перестановке составляющих — «Книгу читает мальчик» или «Читает мальчик книгу», тогда как в узбекском языке изменение порядка слов без соответствующего маркирования падежными аффиксами привело бы к разрушению или изменению смысла.

Наиболее существенные расхождения между двумя системами наблюдаются в сфере выражения пространственных отношений. Узбекский язык обладает специализированными падежами для маркирования местонахождения (местный падеж с окончанием *-da*, отвечающий на вопрос «где?») и исходной точки движения (исходный падеж с окончанием *-dan*, отвечающий на вопрос «откуда?»). В русском языке функции этих двух падежей распределены между предложным, родительным и творительным падежами в сочетании с предлогами. Так, узбекская форма «*mak-tab-da*» (школа-где) соответствует русскому предложно-падежному сочетанию «в школе», где значение места выражается предложным падежом с предлогом «в». Узбекская форма «*mak-tab-dan*» (школа-откуда) передается в русском языке конструкцией «из школы» с использованием родительного падежа и предлога «из». Узбекская форма «*mak-tab-ga*» (школа-куда) — направительный падеж — соответствует русской конструкции «в школу» с винительным падежом и предлогом «в».

Такое несовпадение падежных систем создает зону потенциальной интерференции при изучении русского языка носителями узбекского. Как показывают исследования в области контрастивной лингвистики, узбекоговорящие учащиеся склонны переносить модель «один падеж — одна функция» на русский язык, что приводит к характерным ошибкам. Например, смешение предложного и винительного падежей в конструкциях, выражающих место и направление («был в школу» вместо «был в школе», «пошел в школе» вместо «пошел в школу»), обусловлено тем, что в родном языке учащихся оба значения выражаются разными падежными аффиксами — соответственно *-da* и *-ga*. В русском же языке формальное различие осуществляется не столько падежной флексией

(предложный падеж «-е» и винительный падеж «-у» для существительных женского рода типа «школа»), сколько предлогом «в», который употребляется с обоими падежами. Носитель узбекского языка, привыкший к тому, что пространственные отношения маркируются исключительно падежным суффиксом, не всегда осознает необходимость различения падежей при одном и том же предлоге.

Еще более сложная картина наблюдается в области объектных отношений, особенно при выражении прямого объекта действия. В русском языке прямой объект при переходных глаголах обычно оформляется винительным падежом без предлога: «читать книгу», «видеть мать». Однако существует значительный класс глаголов, которые управляют другими падежами — родительным (ждать поезда, бояться темноты), дательным (помогать другу), творительным (руководить отделом). В узбекском языке винительный падеж с окончанием *-ni* также маркирует прямой объект, но его употребление не является обязательным во всех контекстах. Как отмечают специалисты по узбекской грамматике, форма винительного падежа используется преимущественно для выражения определенного объекта, тогда как неопределенный объект может оставаться немаркированным, стоять в основном падеже. Такое различие в определенности/неопределенности, выражаемое в узбекском языке через падежную оппозицию, в русском языке передается другими средствами — порядком слов, контекстом, лексическими показателями. Освоение русской системы глагольного управления, где выбор падежа определяется лексическими свойствами конкретного глагола, представляет значительную трудность для узбекоговорящих учащихся, поскольку в родном языке эти отношения выстроены по иному, более регулярному принципу.

Особого внимания заслуживает категория принадлежности, которая реализуется в русском и узбекском языках принципиально различными грамматическими средствами. В русском языке посессивные отношения выражаются родительным падежом существительного («книга брата») или притяжательными прилагательными («братова книга»), причем выбор формы зависит от одушевленности/неодушевленности обладателя и от стилистических факторов. В узбекском языке существует специализированная грамматическая категория *изафета* — система показателей принадлежности, которые присоединяются к имени обладаемого и согласуются с обладателем в лице. Конструкция «брат-нинг китоб-и» (брат-принадлежность книга-его) демонстрирует двухкомпонентное маркирование посессивных отношений: обладатель оформляется родительным падежом с аффиксом *-ning*, а имя обладаемого

получает притяжательный суффикс 3-го лица -и. При этом родительный падеж в узбекском языке не имеет того широкого спектра значений, который характерен для русского родительного падежа (партитивность, отрицание, сравнение, количественные отношения и др.). Русский родительный падеж, как отмечают исследователи, занимает особое место в системе благодаря своей полисемии и высокой частотности употребления.

Типологический анализ категории падежа не может ограничиваться описанием формальных показателей и их семантических функций. Необходимо также рассмотреть вопрос о том, как категория падежа вписывается в более широкую систему грамматических категорий каждого языка. В этом отношении показательны различия в категориях рода и одушевленности, которые тесно связаны с падежной системой в русском языке, но полностью отсутствуют в узбекском. Русские падежные окончания различаются по родам (стол-а — жен-ы, стол-у — жен-е, стол-ом — жен-ой), что создает дополнительные парадигматические сложности. Категория одушевленности проявляется в совпадении формы винительного падежа с родительным у одушевленных существительных (вижу брат-а — вижу дом) и является важным фактором, влияющим на падежное маркирование. В узбекском языке, где нет грамматического рода и категория одушевленности не имеет формального выражения, все существительные изменяются по падежам по единому образцу, что существенно упрощает парадигматику.

Функционально-семантический подход к изучению падежа, развитый в трудах А.В. Бондарко и его последователей, позволяет рассматривать падеж не изолированно, а в системе функционально-семантических полей.²³ Каждый падеж представляет собой не просто набор омонимичных форм, а имеет инвариантное значение, которое в различных контекстуальных условиях реализуется в спектре конкретных функций. Исследования в этой области показывают, что для каждого русского падежа может быть выявлена единая инвариантная функция, определяющая его место в общей системе. Так, инвариантом творительного падежа можно считать значение инструментальности (орудийности), хотя в конкретных употреблениях этот падеж может выражать также субъект действия (дом строится рабочими), сравнение (лететь стрелой), время (летним вечером) и многие другие смыслы. Аналогичным образом инвариантом дательного падежа

²³ Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. — Москва: Языки славянской культуры, 2002. — С. 27–49.

является значение адресата (получателя), которое распространяется на конструкции со значением субъекта состояния (ему холодно) или цели действия (учиться наукам).

Применительно к узбекскому языку функционально-семантический анализ представляется более сложным, поскольку однозначность падежных аффиксов, составляющая основное достоинство агглютинативной системы с точки зрения усвоения языка, одновременно ограничивает возможности выявления инвариантных значений в том смысле, как это понимается в русской лингвистической традиции. В агглютинативных языках падежные аффиксы, как правило, обладают дискретными, непересекающимися семантическими зонами, что приближает их к разряду семантических (а не синтаксических) падежей в типологической классификации. Местный падеж с аффиксом *-da* не имеет иных значений, кроме локатива, исходный падеж с аффиксом *-dan* выражает исключительно исходную точку движения или источник, и лишь в некоторых контекстах эти формы могут приобретать вторичные значения, производные от пространственных.

Типологическая значимость категории падежа выходит за рамки собственно морфологии и затрагивает фундаментальные вопросы о том, как язык структурирует опыт и как грамматика отражает концептуализацию мира его носителями. Согласно континентальной типологии Г.А. Климова, языки различаются по тому, какие семантические оппозиции лежат в основе их грамматической организации. Русский язык с его развитой системой субъектно-объектных отношений, выраженных падежными флексиями, относится к номинативному типу, где агенс переходного глагола и субъект непереходного глагола маркируются одинаково (именительным падежом), а пациенс переходного глагола получает особое маркирование (винительным падежом). Узбекский язык также в целом демонстрирует номинативный тип организации, однако черты активного строя проявляются в том, что падежное маркирование может зависеть от семантического класса имен и от характера ситуации. Кроме того, наличие развитой системы пространственных падежей (местный, исходный, направительный) сближает узбекский язык с языками так называемого «локального» типа, где пространственные отношения грамматикализованы в наибольшей степени.

Интересные данные для типологического анализа предоставляет изучение так называемого сравнительного (эквивативного) падежа в узбекском языке, который образуется с помощью аффиксов *-dek/-dak/-dey* и выражает значение сходства или уподобления («как», «подобно»). Эта

форма, которую некоторые исследователи выделяют как седьмой падеж, не имеет прямого соответствия в русской падежной системе и передается аналитическими конструкциями с союзами «как», «словно», «будто» либо творительным падежом сравнения (белее снега — «снег-дек оппок»). Существование такой формы в узбекском языке и ее отсутствие в русском отражают различия в грамматикализации компаративных отношений: в узбекском языке сравнение оформляется как пространственно подобное отношение (по аналогии с направительным падежом -ga), тогда как в русском языке для этого используются лексические и синтаксические средства.

Проблема межъязыковой интерференции при овладении русской падежной системой носителями узбекского языка заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку она непосредственно связана с практическими задачами преподавания русского языка как иностранного. Исследования показывают, что характер ошибок не является случайным, а подчиняется определенным закономерностям, обусловленным структурными различиями между двумя языковыми системами. Наиболее частотные ошибки включают: опущение предлогов в конструкциях, где в русском языке требуется предложно-падежное управление, поскольку в узбекском языке пространственные и временные значения выражаются беспредложными падежами; смешение падежей при глаголах, управляющих разными падежами в двух языках (например, узбекскому дательному падежу при глаголе «помогать» соответствует в русском языке дательный падеж, но узбекскому основному падежу при глаголе «ждать» — русский родительный); ошибки в согласовании прилагательных и местоимений с существительными по падежам, обусловленные отсутствием категории согласования в узбекском языке; неправильное использование родовых окончаний в косвенных падежах, поскольку в узбекском языке категория рода отсутствует, и учащиеся не чувствуют необходимости различать окончания типа «нов-ый» и «нов-ая» в разных падежах.

Особую трудность представляет усвоение русских предложно-падежных конструкций, поскольку в узбекском языке падежные аффиксы самостоятельно выражают отношения, которые в русском языке требуют сочетания предлога с падежом. Например, узбекская форма «Тошкент-дан» (Ташкент-откуда) передается на русский язык предложно-падежным сочетанием «из Ташкента», где предлог «из» указывает на исходную точку движения, а родительный падеж конкретизирует пространственное значение. Усвоение того, что каждому узбекскому падежу может соответствовать несколько различных русских

предлогов в зависимости от конкретного значения, и наоборот — одному русскому предлогу могут соответствовать разные узбекские падежи, требует от учащихся перестройки всей концептуальной схемы пространственного мышления применительно к грамматике.

С точки зрения онтогенеза и усвоения языка интересно отметить, что дети-носители русского языка овладевают падежной системой относительно поздно, к 5-7 годам, и даже в школьном возрасте допускают ошибки в употреблении падежных окончаний, особенно в предложном и творительном падежах. Носители узбекского языка, напротив, практически не испытывают трудностей с падежами родного языка, поскольку агглютинативная система отличается высокой регулярностью и отсутствием исключений. Эта закономерность, подтвержденная многочисленными исследованиями детской речи, свидетельствует о том, что когнитивные затраты на овладение падежной системой напрямую связаны с ее типологическими характеристиками: чем более систематизирована и предсказуема парадигматика, тем легче она усваивается. С этой точки зрения русская падежная система представляет собой один из наиболее сложных объектов для усвоения как детьми, так и иностранными учащимися, что обусловлено не только количеством падежей, но и такими факторами, как наличие омонимии окончаний, зависимость падежного маркирования от категории одушевленности и рода, а также наличие большого числа исключений из общих правил.

Исследование падежа как типологической категории неизбежно ставит вопрос о границах и критериях выделения падежных форм.²⁴ В некоторых языках, демонстрирующих черты агглютинативного строя, наблюдается тенденция к конгломерации падежных показателей с послелогоми, что приводит к образованию новых падежных форм. В узбекском языке, как и в других тюркских языках, падежная система стабильна и не демонстрирует активных процессов грамматикализации новых падежей, однако в разговорной речи некоторые послеложные конструкции могут приобретать черты, сближающие их с падежными формами.

Напротив, в русском языке, несмотря на флективный строй, наблюдаются процессы аналитизации — ослабления падежной системы под влиянием фиксированного порядка слов в некоторых конструкциях и распространения несклоняемых заимствованных существительных (пальто, метро, кино), которые маркируют падежные отношения

²⁴ Тажибаева С.Ж., Невская И.А., Дыбо А.В. Грамматический статус синтетического показателя сравнения -ДАЙ в казахском языке // Сибирский филологический журнал. — 2024.

синтаксически, а не морфологически. Этот процесс свидетельствует о том, что даже в типологически разных языках могут действовать сходные тенденции, направленные на экономию речевых усилий и упрощение парадигматики.

В заключение следует подчеркнуть, что сопоставительный анализ категории падежа в русском и узбекском языках выявляет как изоморфные, так и алломорфные черты, закономерно обусловленные их принадлежностью к разным морфологическим типам. Изоморфизм проявляется в наличии падежа как грамматической категории, выражающей синтаксические отношения имени, в сходной номинативной ориентации субъектно-объектных отношений, в существовании падежей для маркирования посессивных отношений (родительный падеж в русском языке и родительный падеж с изафетной конструкцией в узбекском). Алломорфизм, напротив, касается способа выражения падежных значений (флективный синтетизм и полифункциональность окончаний в русском языке versus агглютинативный изоляционизм и однозначность аффиксов в узбекском), количественного и качественного состава падежей (наличие предложного падежа в русском и отсутствие его в узбекском; наличие местного, исходного и направительного падежей в узбекском и отсутствие их как самостоятельных форм в русском), а также взаимодействия падежа с другими грамматическими категориями (родом, одушевленностью, согласованием). Понимание этих различий составляет необходимую основу как для типологической теории, так и для практики преподавания русского языка носителям узбекского языка, поскольку позволяет прогнозировать зоны интерференции и разрабатывать эффективные методики преодоления грамматических трудностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедов Ш. Узбекская грамматика. — Ташкент: Фан, 1995.
2. Лаврентьев А.М. Категория падежа и лингвистическая типология (на материале русского языка). — Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2001.
3. Рахматуллаев Ш. Грамматика современного узбекского языка: Морфология. — Ташкент: Университет, 2005.
4. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектология. — Ленинград: Наука, 1996.
6. Хасанова У.К. Категория падежа в узбекском языке: Сравнительный аспект // Вестник филологии и педагогики. — 2017. — № 3. — С. 45–52.
7. Лутин С.А. Системно-функциональный анализ категории падежа в русском языке: диссертация ... кандидата филологических наук. — 2008.

